
РЕЦЕНЗИИ

УДК 124.4 + 1(091)

DOI: 10.25730/VSU.7606.23.015

Фальшизм как технология*

Тимошук Алексей Станиславович

доктор философских наук, профессор гуманитарных и социально-экономических дисциплин,
Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний,
Россия, г. Владимир. E-mail: timos@33.fsin.gov.ru

Аннотация. Последняя книга В. А. Кутырёва подводит итог его плодотворной творческой жизни. Ведущая тема философа – скептицизм по отношению к технологической рациональности, протест против нового утопизма «сверхразума машин». Критическое мышление Кутырёва опирается на две рельсы – собственно позитивистское мышление и, во-вторых, на духовную интуицию. Скептицизм и критическое мышление Кутырёва преподают нам важный урок: особые заявления требуют особых доказательств, а корреляция не подразумевает причинно-следственной связи; не относитесь к власти машин слишком серьезно; заявления должны поддаваться фальсификации; не забывайте о применении принципа бритвы Оккама; остерегайтесь логических ошибок. Доверчивость, некритическое восприятие информации происходят от недостатка времени современного человека. Владимир Александрович кажется непредубежденным, но не перестает быть недоверчивым к пафосу технократов. Описание рационального когнитивного мышления и принятия решений можно найти во многих университетских учебниках, которые помогают сделать рассудочный выбор в непостоянном мире, однако мало кто осуществляет поиск фундаментальных оснований утопии в самой науке и технике. Человеческая иррациональность неуничтожима, поскольку человек миллионы лет жил надеждой мифа. И даже современная наука очень часто используется как новая утопическая надежда. В работах, посвященных темам скептицизма и критического мышления, касаются только поверхности, нормативной теории, что дает смесь расплывчатых, но часто бесполезных эмпирических правил. Публикации Кутырёва вскрывают самые глубокие проблемы на границе научного мировоззрения: идеология бессмертия, инонизм, технологическая сингулярность, детерриториализация, постгуманизм. Научные и технологические инновации всегда продвигаются вперед в постоянном отрицании. Каждое достижение, которое заполняет пробелы и меняет историю, является не только естественным развитием, но и революцией против старых привычных схем, что требует самого скептического духа, который, на самом деле, является разновидностью творческого мышления. Скептицизм Кутырёва основан на систематическом и полном понимании научных законов, которые он приобрел, обучаясь на философском факультете МГУ, а также его природной нижегородской пытливости, почвенничеству и народному нонконформизму.

Ключевые слова: философия науки, техноутопизм, техноскептицизм, образованный скептицизм, коэволюция, критика ИИ, трансгуманизм.

Введение. В истории развития философии скептицизм как просвещенное сомнение всегда привлекал к себе внимание как критикой мудрости других многих школ мысли, так и неповторимым теоретическим обаянием, своеобразным бракетированием рационального пафоса, увлеченности техносом. В. А. Кутырёв задает необычные горизонты техноскепсиса, создавая авторитетное философское обрамление, в котором скептицизм не кажется сильно иным. Собственно, убежденность в эпистемологической природе скептицизма и создает уверенность, что сомнение во всеильности науки является вполне рациональным основанием. Философское отношение к исследовательскому подходу как к методу, согласно которому все должно начинаться с сомнения, у Кутырёва трансформируется в этическое отрицание – «зачем мы приближаем технократическое будущее, которое нас отрицает» (с. 14).

Результат заключается в том, что предполагаемая защита скептицизма на деле оказывается защитой «скептицизма научного метода», защитой от техноутопизма и мифотворчества в науке и технологиях. Источник скептицизма лежит в субъекте и объекте человеческого

© Тимошук Алексей Станиславович, 2023

* Рецензия на книгу: Кутырёв В. А. Человек технологий. Цивилизация фальшизма. СПб. : Алетейя, 2022. 288 с.

познания, в ограниченности человеческого познания и неполноте информации. Бесспорный консенсус по поводу работ Кутырёва – такая оппозиционная философия нужна, чтобы сопротивляться инновационной прелести: «Козволюция предполагает комплексное взаимодействие как функциональное единство входящих в него частей с сохранением их субстратного различия, самостоятельности. Человек продолжает существовать в качестве субъекта, использующего технику в роли средства своего развития. В обстоятельствах экспансии новационизма это единственно возможная установка по отношению к технологиям, которая, не останавливая, но регулируя их развитие, управляя применением, служит продолжению человеческого рода на Земле. Любое эколого-антропологическое движение за сохранение природы, как внешней, являющейся средой обитания человека, так и его внутренней, духовно-телесной, предполагает, даже безотчетно, модель коэволюции. Только она дает надежду на сохранение человеческого жизненного мира, фактически на выживание самого человека, при условии, что, адекватно понимая складывающуюся ситуацию, люди за свое будущее будут бороться, как все время поступает, если не захвачен *mortido* (влечением к мертвому) индивид, пусть и зная о конечности своего бытия. Что они антропоконсерваторы» (с. 24).

Храбрый антропоконсерватор против фальшизма. Последняя монография проблематизирует технологию как судьбу, Технос как благо. Книга неожиданно стала итогом целой серии антропологических штудий Владимира Александровича: «Естественное и искусственное: борьба миров» (1994), «Культура и технология: борьба миров» (2001), «Человеческое и иное: борьба миров» (2009), «Бытие или ничто» (2010), «Время *Mortido*» (2012), «Последнее целование», «Человек как традиция» (2015), «Унесенные прогрессом: эсхатология жизни в техногенном мире» (2016), «Сова Минервы вылетает в сумерки» (2018), «Человечество и Технос: философия коэволюции» (2020). Вся творческая судьба В. А. Кутырёва была посвящена апологии человека, сохранению его целостности, противодействию разным угрозам: технократизму, гипермодернизму, трансгуманизму, трансгендеризму, нигилизму, глобализму, ноционизму, прогрессивизму, постмодерну, грамматологии, номадизму.

Последняя монография предлагается как разработка практической, жизненной философии (*field philosophy*) для укрепления в духе всех, кто не желает становиться открытой целостностью, превосходящей границы вида.

Книга состоит из шести частей: (1) Технос решает все(х) – критика избыточного изобретательства; (2) При-род(ин)а или смерть – защита пола против гендера; (3) О, прекрасно деградирующая цивилизация – апокалиптическое описание человеческого хосписа; (4) Про(сти)щай, Человек-критика цифрового бессмертия; (5) Фальшизм как идеология – описание трендов имитации бытия; (6) Антропоконсерватизм – программная глава с предложениями контроля технологий.

На злобу дня сыграло второе название книги «цивилизация фальшизма». Игра слов намекает на пагубность не только техноутопизма, но и бутафорского постмодерна. Мнимость, фиктивность, фальшь, манипулятивность, паразитизм, демонстративность, политкорректность – таков стандарт постчеловеческого и постклассического.

Почему самообман стал технологией развития? Фальшизм – это удобно. Это новая нормальность, патология нормы (с. 159). Постмодернистская риторика, где стирается граница между текстом, интертекстом и контекстом, произведением искусства и штампованным изданием, конструкцией и деконструкцией. Постмодернистские конструкции – это структуры созидания в условиях новой нормальности в условиях информационной разобщенности, фиктивных социокультурных объектов, цифровизации онтичности, провокативности и быстрой реактивности медийной среды. Постепенный отказ от бытийности вещей осуществляется от замены текста грамматологией до трансцендентализма и меонизма.

Суррогаты, симулякры, фейки, управление хаосом – многоходовая игра требует неординарных решений вроде переворачивания шахматной доски и введения туда новых фигур, правил и тактик. Фактически вместо классической игры мы получаем «мерцающие шахматы», когда в любой момент фигура может поменяться или любая фигура может вести себя как угодно. Усложнение правил игры вызвано достижением границ роста глобальной экономической системы. Мировые игроки ради замедления кризисных процессов готовы использовать серые схемы в виде нацизма, терроризма, фашизма, постмодернизма, идеологии бестиализма или «белокурого зверя» (с. 127).

Постчеловеческое существование основано на экономиксизме или такой теории хозяйствования, где учат не как работает экономика, а как двигаются финансовые потоки. Цифро-

вая экономика требует дигитального человека. При этом сохраняется трансмодернистская монополия на экономическое образование (с. 185).

Механизмы финансового кризиса основаны на кумулятиве процессов и действий: девальвация доллара, закредитованность, отказ от золотого эквивалента, виртуализация экономики, создание фиктивных активов через фондовые рынки, скрытые финансовые махинации, разрастание финансовых инструментов (фьючерсов, опционов, свопов), подавление конкурентов с помощью государственного влияния, использование локальных и рейдерства войн как антикризисных сценариев. Искусственная мультипликация денег не может быть основой глобальной устойчивости, а пузырь фиктивных капиталов рано или поздно должен был лопнуть.

Кутырёв концептуализирует постмодерн как инструмент разрушения архаики, как метатеорию неустойчивости, транспозитивности социальных отношений. Деконструкторский характер постмодерна проявляется в преодолении тео-, онто-, фоно-, фалло-, логоцентризма или вообще идеи центра как культуры, когда социальная сложность описывается как ризома, хаосмос, номадизм, разрыв, метаязык, складка, лабиринт, игра, постправда, контекст, проективность, интертекст, симулякр, бриколаж, шизоанализ, гибридность, янусовидность.

Для благополучной и счастливой жизни золотому миллиарду не хватает средств. Количество благ выросло благодаря дешевым кредитам США, дешевым азиатским рабочим ресурсам и доступным ценам на углеводороды. Мультипликация необеспеченных активов, надувание пузыря спекулятивной экономики сделали нас жертвами фальшизации общества, повторяющими мантру «прогресс не остановишь» (с. 22–23). В этой фразе фатализм и скрытое зло. Как можно радоваться тому, что нас отрицает. В. А. Кутырев исходит из того, что философ сопротивления должен сдерживать бездумный прогресс через феноменологический консерватизм; против засилья коммуникаций и трансгуманизма; в защиту природы и культуры от агрессии манипулятивных, внешних и проникающих внутрь, в наследственность и в мозг человека технологий, против космизма и виртуализма ради сохранения жизни на Земле.

Коммуникативный фальшизм. Юристы немедленно обратили внимание на то, что постмодернистский новояз успешно стал использоваться в мировой политике, подменять классические понятия: истина, добро, красота, причина, сущность, центр, иерархия, метафизика, трансцендентное, норма, творчество, гуманизм, мужское, женское, традиция, материя, субъект, объект. Вместо них пришли мнимые концепты ускользающей неклассической реальности: интерес, след, игра, случай, анархия, хаос, сеть, лабиринт, комбинаторика, рандом, ризома, ирония, кич, нечеткость, концепт, медиа, смерть автора, интертекст, контекст, гипертекст, деконструкция, шоу, скандал, хайп, эпатаж, абсурд, перформанс, хэппенинг, арт-практика, трансгендер, асексуал, унисекс, бодипозитив, имитация, дегуманизация, виртуализация, стимулирование, демонстративное поведение, деонтологизация, интерпретация, релятивизм, имидж, образование-развлечение (edutainment), «казаться, а не быть», аисторизм (конец истории), постправда, неолиберализм.

Абсурдизация, переворачивание смыслов, деонтологизация знаний, игра, манипуляция – все это примеры неклассического информационного управления. Следует различать, однако, онтологическую сложность и неклассическую (постмодернистскую) изошренность. Мир действительно сложен на всех уровнях бытия. Для описания этих напластований сложности было предложено несколько терминов. Так, после мирового экономического кризиса стал циркулировать термин «новая нормальность» как образ онтогносеологической сложности, наслоения уровней и модальностей, смешение хаоса и порядка.

Таким образом, постмодернистская постправда – это удобный инструмент для манипуляции, который может помочь дезориентировать во время пандемии, однако такая стратегия не проходит испытание войной.

Новая нормальность. Старая классическая нормальность – уходящая натура (с. 67). Новая нормальность породила много описаний, от самых нейтральных «чрезвычайная ситуация порождает много возможностей для управляющего класса», «социальная дистанция становится физической», до критических «принуждение к единодушию», «безальтернативное изменение правил игры», «административный ад» и постмодернистских «симулякр нормальности», «акт неожиданной дефекации через рот», «ребенок, неожиданно обретенный от мужчины сзади». Сущее и должное в постмодернистской теории права предстают рассогласованным единством регулятивов, а их двойственность снимается игрой, хайпом, бесконечной комбинацией смыслов.

Пандемия стала новым кейсом новой нормальности, когда логика повседневности была прошита паранепротиворечивыми нитками: «коронавирус хорошо изучен, однако он непредсказуем», «вирус очень опасный, но летальность у него низкая», «следите за обонянием, хотя это симптом многих инфекций», «вакцинация добровольна, но у Вас нет права отказываться от прививки». Ранее для описания сложности в политике использовался акроним VUCA, который фиксировал неустойчивость среды (volatile), неопределенность (uncertain), сложность (complex) и многозначность (ambiguous). Гибридность новых войн как раз заключается в избирательном, комбинированном отношении к противнику: здесь торгуем, здесь воюем; этот союзник хорош в одном, но вредит нам в другом; асимметричный удар по противнику в экономической сфере повлиял на состояние энергобезопасности союзника.

Постчеловеческие технологии паразитируют на эмоциональности потребителя, провокативности, хаосмосе, сарказме, гибридизации, симулякрах, фиктивности, лицемерии, фальсификации. Эту реальность можно назвать «виртуальный реализм», «синтетический реализм» (с. 47).

Реальность – это то, в чем уверены люди, что транслируют. Постмодернистский консенсус позволяет держать аудиторию, кормить ее информационными нарративами про малазийский Боинг, отравления. Спекулятивная финансовая система, виртуальная коммуникативная реальность, рост стоимости нематериальных активов – таковы результаты деонтологизации.

Добавление постмодернистского оператора смыслов призвано скрыть ухудшение качества жизни, снижение качества информации. В условиях деградации классического бытия образцы культуры деконструируются не просто в помой, а симулякры помоев.

Поскольку постмодерн является хаосмосом для современной политической среды, специальная военная операция выступает инструментом разрушения этой игры. Отдельные произведения и артефакты не так существенны в сравнении с системой обоснования артефакта или его деконструирующего оспаривания. В постмодерне структуры, в том числе структуры производства и восприятия, и становятся предметом теоретического рассмотрения, тогда как отдельные произведения и жанровые традиции понимаются как частные следствия структур, где глобальный сильный машинный интеллект и объектно-ориентированная онтология должны были преодолеть гоминида. Преодоление человека – сингулярность, намечена технократами Рэймондом Курцвейлом и Ювалем Харари с их системой слежения, отменой пола, загрузкой сознания на сервера.

Выводы. История искусственного интеллекта показывает, что она усыпана ложными ожиданиями и обещаниями. Технооптимизм закрывает глаза на ресурсные проблемы человечества, эксплуатирует компьютерный новояз в создании успешного имиджа ИИ и робототехники. Вместе с тем их развитие упирается в энергетическую проблему, которая может наступить раньше, нежели прорыв в области создания эффективного цифрового концлагеря. Технологическая парадигма ИИ находится в ловушке сложности и энергоемкости. Это можно сравнить с классической дилеммой заключенного, когда индивидуальные рациональные решения приводят к угрозе системы. ИИ затрачивает значительную энергию и обрабатывает массив данных, чтобы выполнить, в конечном итоге, очень простую работу. Например, для распознавания кошки на изображении машине нужно предоставить тысячи изображений. Однако даже в этих условиях ИИ неспособен идентифицировать кошку в определенных обстоятельствах. И наоборот, ребенок (или мышь) должны увидеть только одну кошку дважды, чтобы узнать животное всю свою жизнь в любое время и в любых обстоятельствах: ночью, летом, весной, зимой, в поле или в горах.

Выставляя напоказ маркетинговые манипуляции с образом ИИ (являющимся, на самом деле, программированием обратной связи), В. А. Кутырёв делает такой комментарий: «В теории познания в качестве ее достижения официально провозглашено возникновение чудовищной в своем патологизме категории: «постистина», которая все шире распространяется (вариант перевода: постправда)! Поистине говоря, категория/концепт лжи, поиск которой теперь и становится содержанием со(по)знания человека. Где, как замаскировать от себя знание/истину того, что происходит – вот чем озабочено множество теоретиков. Большинство бессознательно, но появляются и циничные, «акселеративные», требующие ускорения чего угодно любой ценой. Включив в свой категориальный аппарат «постистину», теория познания покончила самоубийством. Это самострел Homo sapiens в голову, проявление его Dementia в связи с началом замены естественного сознания Искусственным Интеллектом. «Расчистка места» для его следующего этапа. Лежащая на поверхности связь между успехами

науки и технологий с разрушением человекоориентированного мышления как условия продолжения жизни на Земле не обсуждается, а если обсуждают, то запутывая суть дела пылевым облаком непрерывно из(за)меняемой терминологии, бесплодного или ядовитого ученого праздномыслия» (с. 12–13).

Критика прельщения ИИ и технооптимизмом в целом – это и есть самый ценный вклад российского философа В. А. Кутырёва, с которым мы попрощались 4 октября 2022 г.

Falsehood as a technology

Timoshchuk Alexey Stanislavovich

Doctor of Philosophy, Professor of Humanities and Socio-economic Disciplines,
Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service. Russia, Vladimir. E-mail: timos@33.fsin.gov.ru

Abstract. The last book by V. A. Kutyrev sums up his fruitful creative life. The leading theme of the philosopher is skepticism towards technological rationality, a protest against the new utopianism of the "superintelligence of machines". Kutyrev's skepticism and critical thinking teach us an important lesson: special statements require special evidence, and correlation does not imply a causal relationship; don't take the power of machines too seriously; statements must be specific and falsifiable; don't forget about applying Occam's razor principle; beware of logical errors. Credulity, uncritical perception of information come from the lack of time of a modern person. Vladimir Alexandrovich seems open-minded, but he does not cease to be distrustful of the pathos of technocrats. A description of rational cognitive thinking and decision-making can be found in many university textbooks that help make rational choices in a fickle world, but few people search for the fundamental foundations of utopia in science and technology itself. Human irrationality is indestructible, because man has lived for millions of years with the hope of a myth. And even modern science is very often used as a new utopian hope. In the works devoted to the topics of skepticism and critical thinking, they only touch on the surface, normative theory, which gives a mixture of vague, but often useless rules of thumb. Kutyrev's publications reveal the deepest problems at the border of the scientific worldview: the ideology of immortality, inonism, technological singularity, deterritorialization, posthumanism. Scientific and technological innovations are always moving forward in constant denial. Every achievement that fills in the gaps and changes history is not only a natural development, but also a revolution against the old familiar patterns, which requires the most skeptical spirit, which, in fact, is a kind of creative thinking. Kutyrev's skepticism is based on a systematic and complete understanding of scientific laws, which he acquired while studying at the Faculty of Philosophy of Moscow State University, as well as his natural Nizhny Novgorod curiosity, soil science and folk nonconformism.

Keywords: philosophy of science, technoutopism, technoscepticism, educated skepticism, coevolution, criticism of AI, transhumanism.